

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ (СССР) В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Часть вторая. Международная миграция в России в эпоху «великого кризиса» (1914-1922 гг.)

ВАЛЕНТИНА МОИСЕЕНКО

Исследование международной миграции во второй части статьи охватывает 1914-1922 гг. Этот период вошел в историю России как «демографический кризис», пертурбация населения. Одна из особенностей этого периода состоит в резко возросшей роли принудительной миграции (выселения, беженцев, военнопленных и др.) и трансформации миграции из внутренней во внешнюю. После октября 1917 г. обострившийся интерес к международной миграции связан с распадом Российской империи и движением населения в страны Балтии, Польшу, Финляндию, а также с проведением жесткой, последовательной и твердой политики государства в отношении белой эмиграции. Поэтому уделяется большое внимание законодательству в области регулирования «белой» эмиграции, а также депортации из РСФСР (1922 г.), ставшей завершением политики в отношении эмиграции.

Ключевые слова: демографический кризис, пертурбация населения, принудительная миграция, беженцы, военнопленные, выселение, политическая эмиграция, белая эмиграция, депортация.

*Прошло только восемь лет с 1914 г. «Испепеляющие годы».
Поистине «мало прожито, но много пережито».
Испытан целый цикл исторических превращений.
Пережиты самые полярные состояния общественного уклада,
социальных процессов и массовых настроений...
Наступает пора нормальной жизни, а вместе с ней
и необходимость трезвого учета реальной обстановки...
Приходится брать в руки книгу «доходов и расходов»
и подводить баланс за эти годы [Сорокин 1992: 185].*

КОНЦЕПЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ 1914-1922 ГГ.

Драматические события в начале XX века - Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции, распад Российской Империи, Гражданская война, «военный коммунизм», голод - оказали долговременное негативное влияние на демографические процессы, вызвав большой интерес современников. Характерными чертами «эпохи великого кризиса в России» (1914-1922 гг.) стали колоссальные внешние потрясения и внутренние сдвиги, неисчислимы жертвы народа и состояние страны в крайнем напряжении в течение восьми лет [От редакции 1922: 3]. По другой оценке, военное и революционное время объединило действие величайших политических и социальных потрясений, чрезвычайных и разрушающих факторов [Лубны-Герцук 1926: 3, 123]. Концепция пертурбационных процессов населения обосновала изменившийся характер миграции и ее возросшую роль в формировании численности и структуры населения: наличного, постоянного, пришлого, военного [Волков 1930: 7-130].

ВАЛЕНТИНА МИХАЙЛОВНА МОИСЕЕНКО (mvm.msu@gmail.com), Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия.

Статья поступила в редакцию в декабре 2016 г.

В современной отечественной литературе 1914-1922 гг. определяются как время демографического кризиса, представляющего собой «неразделимые этапы одной катастрофы» [Денисенко 1997: 78]. Согласно другой парадигме, демографическая история России первой половины XX века трактуется как перманентный кризис, прерванный тремя демографическими катастрофами: в период революции и Гражданской войны, на этапе индустриализации и коллективизации, в годы Великой Отечественной войны¹. Поскольку первопричина демографических катастроф и кризисов коренится в политической сфере государства, подход к изучению проблемы должен быть не столько демографическим, сколько историческим, т.е. исследующим связь между государственной властью и демографической сферой [Исупов 2000: 3, 6]. Оправданность такой концепции подтверждает демографический кризис 1914-1922 г. В основе демографического единства этого периода лежит тесная взаимосвязь, неразрывность и последовательность демографических событий. В то же время большая роль государства в регулировании миграции в дореволюционной России усилилась в годы Первой мировой войны и стала определяющей после октября 1917 г.

Трудности исследования кризиса 1914-1922 гг. объясняются деформацией демографических процессов и состоянием учета населения. Ряд европейских стран, в первую очередь распавшихся в результате Первой мировой войны, вновь образованных или изменивших государственные границы, столкнулся с недостатком информации [Водовозов 1922: 72-73]. В России в 1915 г. большинство губернских статистических бюро прекратили разработку статистики естественного и механического движения населения [Волков 1930: 95]. В 1914-1922 гг. первоочередным стал учет принудительной и вынужденной миграции. После октября 1917 г. трудности изучения демографических процессов объясняются реорганизацией государственной статистики, распадом страны и возросшей ролью идеологического фактора, несовместимого, в частности, с анализом последствий эмиграции из России.

Оценка последствий Первой мировой войны кардинально изменилась в середине 1920-х годов. В силу раннего выхода России из Первой мировой войны (1917 г.) предлагалось не преувеличивать влияние войны на движение населения, учитывая компенсаторное движение населения в 1917-1920 гг. Такой вывод обосновывался данными о динамике общего коэффициента брачности в Ленинграде и Москве. В 1913 г. его величина в Петербурге составила 6,3%, в 1920 г. - 27,7%, в Москве - соответственно 5,4 и 19,6% [Паперный 1926: 148]. В действительности динамика и величина общего коэффициента брачности объясняются особыми условиями: стихийной демобилизацией армии в 1917-1918 гг., новым брачно-семейным законодательством РСФСР, введившим институт гражданского брака и развод, превращением части браков в «спекулятивную сделку» для получения льгот новобрачными («мануфактуры» и др.), фиктивными браками с иностранцами и военнопленными с целью эмиграции и т.д. Часть браков заключалась для получения пайка, другая, чтобы избавиться от «уплотнения» [Горбунов 1922: 43].

¹ История Казахстана рассматривается как череда демографических последствий экстремальных ситуаций в XX веке.

УПАДОК ДОВОЕННЫХ ПОТОКОВ МИГРАЦИИ

Изменившийся характер международной и внутренней миграции стал очевидным после начала Первой мировой войны. Резко сократившиеся масштабы международной миграции стали следствием военных действий и ограничений в получении загранпаспорта российскими подданными.

Законом «Об установлении новых временных правил о выдаче заграничных паспортов и свидетельств на въезд в Империю» [СУ 1917: 3051-3056, №304, ст.2409], введенным на период военных действий, для получения загранпаспорта необходимо было предоставить документы, служащие видом на жительство, свидетельство полицейских властей по месту проживания об отсутствии препятствий к выезду за границу, а также удостоверение, подтверждающее цель поездки (медицинская и др.). Заполненный опросный лист подтверждался двумя подписями поручителей из числа русских подданных, постоянно проживающих в России. Министру МВД предоставлялось право запрещать выдачу загранпаспортов отдельным лицам и целым группам лиц, выезд за границу которых по условиям военного времени «мог быть признан вредным».

Одновременно снизились масштабы отхода крестьян на заработки [Хрящева 1921: 41]. После 1914 г. резко сократилось переселенческое движение крестьян за Урал.

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ И ВЫНУЖДЕННАЯ МИГРАЦИЯ В 1914-1917 ГГ.

В военных условиях территориальное движение населения определили мобилизованные в армию, военнопленные, беженцы, выселенцы, интернированные гражданские лица и др., учет которых производился различными ведомствами и общественными организациями. Ориентировочные оценки отдельных видов масштабов миграции, опубликованные в начале 1920-х годов, подтвердили значительный потенциал отечественной статистики. Но они не позволяют представить точную и полную картину международной миграции, основные параметры которой утоняются в современных работах.

«Военный отход». Военнопленные

В структуре принудительной миграции главным по масштабам и значению стал так называемый «военный отход» [Волков 1930] - движение призванных и мобилизованных на военную службу и на работу по обороне страны.

По состоянию на 1 сентября 1917 г. в России было призвано в армию 15 798 тыс. человек. Следовательно, был мобилизован каждый пятый мужчина, около половины всех трудоспособных мужчин (на 1000 – 474 человека), 60 трудоспособных мужчин на каждые 100 крестьянских хозяйств [Россия в мировой войне... 1925: 4, 21]. Столь масштабная мобилизация оказала негативное влияние на состояние сельского хозяйства.

В сентябре 1917 г. принудительная мобилизация сменилась стихийной демобилизацией, охватившей действующие армии и продолжавшейся почти все зимние месяцы 1917-1918 гг. В условиях распада Российской империи демобилизация означала эмиграцию части военнослужащих.

Число призванных в армию на территориях, вышедших из состава России, составило 2 917,3 млн человек (18,6% всех призванных в армию за первые два года войны) [Волков 1930: 51]. Согласно современным данным, в русскую армию было мобилизовано 650 тыс. поляков, 400 тыс. евреев, 350 тыс. грузин, 350 тыс. азербайджанцев, 250 тыс. литовцев, 180 тыс. латышей, 100 тыс. эстонцев, 120 тыс. армян, 300 тыс. немцев. Поляки и армяне раньше других получили возможность создать свои «национальные» части [Булдаков 2010: 266-267].

Движение призванных и мобилизованных на военную службу и на работу по обороне страны во время Первой мировой войны и их возвращение на родину дополнили принудительные перемещения военнопленных: отечественных, оказавшихся на территории стран Тройственного Союза, и иностранных - в России.

По одной из первых оценок, в 1914-1918 гг. около 3,5 млн российских подданных оказались в австрийских, немецких, турецких и болгарских лагерях. В отличие от Франции и Англии в начале Первой мировой войны помощь военнопленным из России не только не признавалась делом государственной важности и не поощрялась государственной властью, а наоборот, всячески стеснялась и задерживалась военными и административными властями. Только в феврале 1917 г. была определена численность русских военнопленных и значение русских военнопленных как рабочей силы [Жданов 1921: 3, 7-9]².

Летом 1918 г. впервые был разрешен допуск в лагеря русских военнопленных в Германии. По данным Центропленбежа, летом 1919 г. число зарегистрированных русских военнопленных в государствах Центральной Европы составило 3 911 100 человек, в том числе в Германии - 2 385 441, Австрии – 1 503 412, Турции – 19 795, Болгарии – 2 452. Но уже в списках на ноябрь 1918 г. числилось 4 153 744 военнопленных. Положение русских военнопленных было тяжелым по сравнению с положением французских и английских военнопленных [Жданов 1921: 70-71].

Согласно современным оценкам, только на территории Германии в годы Первой мировой войны находилось 3,6 млн военнопленных и интернированных гражданских лиц из России. Труд большинства из них использовался на сельскохозяйственных работах, в промышленности, дорожном строительстве. С ухудшением военного положения Германии военнопленные и интернированные направлялись на работу во вредные и тяжелые производства – шахты, химические производства, прифронтовые полосы, зачастую непосредственно в зону боевых действий. В 1916 г. представители Международного Красного Креста установили, что военнопленные из России в отличие от военнопленных Франции и Англии чаще привлекались к тяжелым работам на шахтах безотносительно их уровня образования и физического состояния. Германские власти игнорировали решения международных конференций, запрещавших использование труда пленных в военных целях. После заключения мирного договора в Брест-Литовске (1918 г.) положение русских, французских и английских военнопленных стало одинаковым.

² Автор монографии Н. Жданов - Управляющий Московским Комитетом Красного Креста в годы Первой мировой войны.

Тяжелое положение русских военнопленных объясняется не только предвзятым отношением к ним немецких властей, но и пренебрежением к их судьбе со стороны русских властей [Ленцен 1998].

На территории России находилось 1,8 млн иностранных военнопленных. В их составе (с начала войны по 1 сентября 1917 г.) было 159,4 тыс. человек из Германии, 1136,8 тыс. из Австро-Венгрии, 64,5 тыс. из Турции, 0,7 тыс. из Болгарии. На сельскохозяйственных работах было занято 836,4 тыс. военнопленных [Россия в мировой войне... 1925: 40-41].

Труд иностранных военнопленных, в основном в хозяйствах помещиков, частично компенсировал сократившуюся мужскую рабочую силу. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года, в Центрально-Земледельческом районе на 100 наемных рабочих и служащих приходилось 23,4 военнопленных и 6,7 беженцев, в Средне-Волжском районе - соответственно 27,4 и 6,7, в Новороссийском - 34,0 и 4,4, в Белорусском - 4,0 и 17,4 [Хрящева 1921: 25-26]. Осенью 1915 г. расширилось использование труда военнопленных в промышленности, в том числе и военной, на строительстве. Эти работы выполняли преимущественно военнопленные-славяне как наиболее благонадежные [Зеленин 1977: 15].

Современные исследования показывают, что к 1 сентября 1917 г. в России насчитывалось 1961,3 млн военнопленных, из которых 1736,7 млн (почти 80%) были офицеры и солдаты австро-венгерской армии. В их составе было около 150000 югославов [Виноградов 1998: 74-75]. Известна большая роль иностранных военнопленных в Гражданской войне. В 1917-1920 гг. за советскую власть сражалось примерно 30 тыс. югославов (около 20% всех военнопленных южных славян) [Дело трудящихся 1957: 45-46]. В то же время в войсках Колчака воевало около 10 тыс. человек (примерно 10% всех военнопленных южных славян). На фоне ожесточенных сражений иностранные военнопленные внесли в Гражданскую войну «особый компонент не рассуждающей жестокости» [Булдаков 2010: 265].

Беженцы и выселенцы

Беженство как разновидность вынужденной миграции предполагало наличие возможности индивидуального решения о миграции, в то время как выселение из зоны боевых действий, происходившее летом 1915 г., стало принудительным. Беженство привлекло внимание огромными масштабами, негативными последствиями для беженцев, губерний оттока и притока, страны в целом. По оценке участников внеочередного Пироговского съезда по врачебно-санитарным вопросам, «ни в одном вопросе современности так полно и отчетливо не отразилась вся беспорядочность, неурядица и запутанность русской жизни, как в беженском вопросе... Беженское движение застало Москву и московское городское управление не подготовленными, как и всю вообще внутреннюю Россию» [Труды внеочередного... 1917: 73, 75]. Беженство угрожало распространением заразных болезней, столкновениями с коренными жителями. Оно вызвало сдвиги в размещении населения. Существенными стали экономические последствия беженства.

Как и в других странах Европы, в России беженство вышло за границы государства: беженцами были признаны армяне - жертвы военных действий в Турции и в Персии, румыны. После распада Российской империи значительная часть беженцев оказалась в другом государстве - на территории РСФСР.

В литературе второй половины 1910-х годов широко отражены гуманитарные, организационные, санитарные и статистические вопросы беженства. Беженцами считались «лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или уже им занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств» [СУ 1916: №242, ст.1842]. Забота о беженцах возлагалась на различные государственные и общественные институты. Исключением стали иностранные подданные немецкой и венгерской национальности [Положение об обеспечении... 1916: 3]. Значение законодательного определения понятия «беженец» подтвердили международные договоры РСФСР с Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей, Финляндией о реэвакуации беженцев (вынужденных переселенцев), принятые на рубеже 1920-х годов.

Особую группу беженцев составили выселенцы, принудительно перемещенные по решению Особого совещания при Ставке Верховного Главнокомандующего из некоторых районов боевых действий Северо- и Юго-Западного фронтов в июне 1915 г. Обязательному выселению («очищению») подлежали немцы-колонисты, чье недвижимое имущество подвергалось секвестированию. Второй группой выселенцев стали галицкие уроженцы русского происхождения и польское население из Варшавского генерал-губернаторства, третьей - местное еврейское население, которое должно было сосредоточиться в особых пунктах. Евреи иностранного подданства в глубь России ни в коем случае не допускались. Выселение сопровождалось уничтожением имущества и посевов, реквизицией припасов, лошадей, скота и т.д. [Журнал Особого совещания... 1916: 16-19].

В современной литературе отмечается достаточная степень обеспеченности источниками для исследования проблемы беженства [Курцев 1999: 98]. Беженство Первой мировой войны неотделимо от деятельности многочисленных институтов: – государственных, общественных и национальных организаций (прежде всего польских и еврейских), проводивших общероссийские и городские переписи беженцев в Петрограде, Москве, Саратове, Риге, Киеве, Воронеже, ряде других городов и в губерниях.

Дискуссия о масштабах беженства в России, начавшаяся на Пироговском съезде по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени (Петроград, 14-18 апреля 1916 г.) и Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914-1920-х гг., продолжается в наши дни. По ряду объективных причин существуют различные оценки численности беженцев, полученные Татьянинским Комитетом, Всероссийским союзом городов, национальными и общественными комитетами, Центроэваком и др. В настоящее время с учетом незарегистрированных беженцев, мобилизованных в армию, умерших в ходе эвакуации, новых беженцев в конце 1917 г. общая численность беженцев в России за время Первой мировой войны оценивается в размере 5 млн человек [Курцев 1999: 108]. По другой оценке в январе 1917 г. в России было 4,9 млн беженцев. Этот показатель

следует увеличить по крайней мере на 10% с учетом незарегистрированных беженцев [Gantrel 2001: 554].

Социально-демографические характеристики беженцев отличали их от населения коренных губерний Российской империи. По данным Татьянанского Комитета, в конце 1916 г. из 3,2 млн беженцев в местах водворения русских было 58,8%, поляков - 15,0%, латышей - 10,0%, евреев - 6,4%, литовцев - 2,8%, прочих - 7,0%. Эти данные в дальнейшем уточнялись за счет более полного учета беженцев в Закавказье. Кроме этого, принимался во внимание обобщенный смысл понятия «русские», включавшего в рассматриваемое время великороссов, украинцев и белорусов [Курцев 1999: 109]. Столь огромные масштабы перемещения «нерусского» населения происходили впервые в Российской империи и потенциально содержали конфликты, коллизии, которые проявились после распада страны ухудшением экономического положения беженцев и населения в целом.

Перепись беженцев 30 января 1915 г. в Армении показала, что из Турции, Персии и мест, пограничных с Турцией, прибыло 60 505 человек. В их числе было 45 138 армян, 6 379 айсоров, 8 896 греков и 107 человек других национальностей. 13 000 эмигрантов прибыли из Турции, 15 000 тыс. – из Персии. Основная часть беженцев нуждалась в разнообразной помощи. Со дня бегства из Турции с 30 января 1915 г. потери беженцев составили 509 убитых, 1 603 умерших и замерших в дороге, 1 191 пропавших без вести [Однодневная перепись... 1915: 40, 41, 72]. Перепись учла только начало движения, масштабы которого со временем существенно выросли.

По данным переписи еврейского населения в Воронеже (март 1917 г.), из 6 946 человек, учтенных переписью, 4 307 прибыли после начала войны. Социальный состав был представлен местными (28%), иждивенцами, т.е. лицами, получавшими материальную помощь, (26%) и неиждивенцами (36%). В группе иждивенцев были в основном женщины, старики и дети. Часть неиждивенцев владела торговыми и промышленными заведениями. В учтенном населении преобладали литовские и прибалтийские евреи (82,3%); 51,1% оставили родину добровольно, 48,9% были выселены принудительно; 2/3 предполагали вернуться на родину после окончания войны. Группа «потенциальных возвращенцев» была особенно многочисленной среди иждивенцев [Брауде 1918: 5-6, 15, 25-27].

В составе беженцев преобладали дети, женщины и лица старших возрастов. Поиск родственников и стремление улучшить условия жизни определяли их высокую подвижность. Характер их расселения, политика государства, планы самих беженцев свидетельствуют о том, что их пребывание в районах вселения планировалось как временное. Тем самым предполагалось уменьшить напряженность в отношениях между «своими» и «чужими».

Летом и осенью 1915 г. беженцы заполнили губернии, близко расположенные к фронту. Значительной была концентрация беженцев в отдельных губерниях. В условиях наступавшей разрухи в 1917 г. местные власти ряда городов и территорий запрещали въезд беженцам (в Петроград, Москву, в Область Войска Донского, Тифлис, Астрахань и др. города) [Хроника 1917: 12].

Одним из последствий массового выселения («очищения») стали сдвиги в размещении населения. Учитывая «чрезвычайные обстоятельства военного действия», в сентябре 1915 г. распоряжением министра внутренних дел евреям было разрешено жительство в городских поселениях вне черты их общей оседлости, за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении Министерств императорского Двора и военного [СУ 1916: 23676, №232, ст.1764]. В условиях военного времени евреи могли проживать в Воронеже, Тамбове, Нижнем Новгороде и других городах [Мышь 1915: 145]. В городских поселениях им разрешались занятия торговлей и промыслами [Законы и распоряжения... 1916: 94-95]. После распоряжения министра народного просвещения, разрешившего прием детей-беженцев иудейского вероисповедания «сверх существующей нормы», вырос приток еврейской молодежи в различные учебные заведения. Циркуляр министра внутренних дел «пробил брешь в крайне суровых, возможно сказать бесчеловечных законах о евреях» [Мышь 1915: 149]. Одним из последствий расселения евреев стал рост антисемитизма.

Общее число евреев-беженцев и выселенцев, переселившихся по военным обстоятельствам из местностей, занятых неприятелем, а также из незанятых прифронтовых районов и зарегистрировавшихся в Еврейском Центральном Комитете помощи жертвам войны (на 1 сентября 1916 г.), оценивается в размере 211 тыс. Эти данные включили тех, кто прибегал к общественной помощи. Число остальных беженцев и выселенцев осталось неизвестным. Из местностей, занятых неприятелем (без Польши), было выселено 127 тыс. человек. В губерниях вне черты оседлости было переписано 90 тыс. человек. Остальные расселились в Витебской, Екатеринославской, Минской, Полтавской, Таврической и других губерниях Европейской России [Еврейское население... 1917: VII-VIII]³.

Судьбы беженцев были тесно связаны с выходом России из Первой мировой войны, распадом Российской империи, ухудшением экономического положения в стране и нарастанием конфликтов беженцев с местным населением, определивших их стихийное возвращение на родину – в государства, отделившиеся от Российской империи.

Новые потоки международных мигрантов

Международная миграция в 1914-1917 гг. приобрела спонтанный характер. Мобилизация киргизов на оборонные работы в Европейской России вызвала восстание в Семиречье в 1916 г. и последовавшую за ним эмиграцию на территорию Восточного Китая, обострение отношений между коренным населением и русскими переселенцами и казаками.

Согласно современным оценкам, восстание 1916 г. было спровоцировано петроградской бюрократией. В июле 1916 г., в разгар полевых работ, во время мусульманского поста был обнародован указ о мобилизации инородческого населения (не призывавшегося никогда до этого на военную службу) – мужчин в возрасте 19-43 лет на тыловые работы. Затем последовали конфликты местного населения с администрацией, железнодорожниками, крестьянами-переселенцами. Противоречия обострились в связи с возвращением беженцев из Китая [Булдаков 2010: 69, 294].

³ В 1917 г. «черта оседлости» была отменена Временным правительством.

Другой поток международных мигрантов в Россию (так называемые «желтые» рабочие - китайцы, корейцы, персы и др.) должен был уменьшить дефицит рабочей силы. Численность китайцев и корейцев, прибывших в 1916 г. «для нужд обороны» и проследовавших по Сибирской железной дороге, составила 51,5 тыс. Из них 21 тыс. человек были направлены на фронтовые работы, 9,0 тыс. – на строительство Мурманской железной дороги. Вербовка иностранных рабочих в условиях растущей безработицы в России оценивалась негативно. Остро критиковались чрезвычайно тяжелые условия жизни «ввозных рабочих»: их высокая смертность, заболеваемость, физическое истощение, несоразмерность тяжелых социальных последствий эмиграции незначительным масштабам притока рабочих [Блюменфельд 1917: 272-273].

Новые подходы к регулированию международной миграции

Изменение общественных отношений в стране в марте-октябре 1917 г. определило новые решения в области миграции.

Учитывая отмеченные в первой части статьи интенсивные пограничные миграционные связи России с территориями, прилегающими к ее западным границам, отметим приостановку исполнения законов о землевладении и землепользовании австрийскими, венгерскими и немецкими выходцами в России [Сборник указов... 1917: 28-30].

Отмена вероисповедных и национальных ограничений означала равенство всех граждан перед законом, непримиримость с ограничениями прав отдельных граждан в отношении водворения, жительства, свободы передвижения в России, приобретения собственности, занятости и т.д. Это постановление Временного правительства отменило «черту оседлости» [Сборник указов... 1917: 46-49].

Цель создания Центрального комитета по делам военнопленных при Главном Управлении Российского Красного Креста состояла в объединении, согласовании и направлении работы всех правительственных и общественных организаций, ведающих делами военнопленных, гражданских пленных, заложников, и оказанием им помощи [Сборник указов... 1917: 63-66].

Отмена ссылки и объявление общей политической амнистия означали миграцию политических заключенных, в основном из Сибири, в Европейскую Россию, а также иммиграцию в Россию [Сборник указов... 1917: 207-210, 266-268]. В 1917 г. политическая эмиграция «двинулась в Россию огромной массой со всех концов земного шара». Учет ее численности, по-видимому, не был организован. Ориентировочная величина политических иммигрантов составила несколько десятков тысяч человек. Но их общественно-политическое влияние на судьбы страны оказалось огромным.

Косвенно масштабы иммиграции (с учетом иммиграции членов других партий и беспартийных, а также смертности) показали материалы Всероссийской переписи членов РКП (большевиков) 1922 г., включившей вопрос об участии в политической эмиграции. Данные по этому вопросу не были опубликованы. Согласно переписи 1922 г., из 38 6313 членов РКП(б) РСФСР 2517 человек (0,7%) вступили в партию до 1907 г., 7 914 (2,0%) – в 1905-1916 г., 35 154 (9,1%) – в 1917г. [Всероссийская перепись... 1923: 27].

Считается, что в 1917 г. завершился почти столетний период русской «революционной, антицаристской эмиграции. Начался период эмиграции белой, эмиграции контрреволюционной, напоминающей в новых исторических условиях и на другой основе франко-монархическую эмиграцию (1792-1814 гг.)» [Горев 1934: 145, 159-160].

ОГРАНИЧИТЕЛЬНО-ЗАПРЕТИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В 1917-1922 ГГ.

Эмиграция из России

Первоочередными после октября 1917 г. стали вопросы отношения государства к эмиграции, реэвакуации беженцев, военнопленных, оптации, иммиграции в РСФСР и др. Так, значительные масштабы репатриации военнопленных пришлось на время после заключения Брестского мира. К осени 1918 г. в Австро-Венгрию из Советской России вернулось 670 092 человек [Щербаков 1982: 52].

Возросшую роль государства в регулировании международной миграции отразили многочисленные декреты. Их дополнили ведомственные постановления, инструкции, циркуляры. Так, в ведении административно-организационного управления НКВД (1922 г.) находились загсы, оптация, перемена гражданства, выдача загранпаспортов, восстановление в гражданстве, учет иностранцев и др. [С.Р. 1922: 56].

Формально масштабы принудительной миграции после октября 1917 г. уменьшились в связи с сокращением масштабов мобилизации в Красную армию по сравнению с Первой мировой войной. В то же время значение принудительной и вынужденной миграции, обусловленной идеологией нового общественного строя, резко возросло.

Задачи общественного развития и способы достижения этих задач были сформулированы в Конституции (Основном законе) РСФСР (1918 г.). Право на свободу передвижения в Конституции не упоминается. В комментариях к Конституции РСФСР «субъективное публичное право» и «права гражданской свободы» предлагалось рассматривать только как вспомогательные: их применение не должно было противоречить главной цели [Турубинер 1923: 6]. Такая позиция теоретически обосновывала строгое подчинение функций и механизма регулирования миграции задачам беспощадного подавления эксплуататоров, установления социалистической организации общества и победе социализма во всех странах. В результате понятие «принудительная и вынужденная миграция» существенно расширилось, роль государства в регулировании международной миграции усилилась. Характер политики определяли ограничительно-запретительные меры.

Одним из существенных последствий революционного переворота в октябре 1917 г. стала массовая эмиграция из России, по отношению к которой государство заняло твердую и последовательную позицию. Понятие «белая эмиграция», введенное в 1920-е годы, включило «все людские обломки класса помещиков и капиталистов, отчасти и мелкой буржуазии, выброшенные за пределы Советского Союза после октябрьской революции и составляющие белогвардейские контингенты» [Алехин 1934: 160].

Внешнюю миграционную политику в первые годы советской власти характеризует непримиримость к «белой эмиграции» и в то же время демонстрация открытости РСФСР для определенных социальных групп иностранцев. Исходные основания советского законодательства в области международной миграции учитывали гражданство. Такие основания определялись как принципиально особые, отличные от буржуазных государств. Интернационально-классовое строение советского государства означало лишение политических прав буржуазии, хотя и входившей в число граждан страны, и наделение политическими правами трудящихся-иностранцев [Турубинер 1929: 530]. Цель новой политики по отношению к большинству белых эмигрантов состояла в точном определении их положения с тем, чтобы они «не могли претендовать на дипломатическую их защиту и с тем, чтобы дать лицам, случайно попавшим в эмиграцию и раскаявшимся, возможность вернуться в Советскую Россию» иностранцев [Турубинер 1929: 532].

После октября 1917 г. никакие заявления о выходе из русского гражданства от лиц русского происхождения, кроме оптации, не принимались. Эмиграция как единственный способ выживания части населения России могла быть только нелегальной.

Установленный в первые месяцы после октября 1917 г. контроль за внешними связями РСФСР означал новые правила выезда и въезда [Фельштинский 1990: 7]. С декабря 1917 г. все лица, выезжавшие за границу (русские граждане и иностранцы), должны были иметь соответствующие загранпаспорта с фотографиями, заверенные надлежащими печатями. Помимо паспорта, российские граждане в Петрограде, выезжающие из России, должны были иметь специальное разрешение от иностранного отдела Комиссариата по внутренним делам, в Москве – от Комиссариата по иностранным делам. Все лица, выезжающие и въезжающие, подвергались на границе тщательному личному досмотру. Особо оговаривался список запрещенных к вывозу из России предметов. Беспрепятственным в конце 1917 г. был въезд в Россию только дипломатов и политических заключенных [СУ 1942: 185-186, №12, ст. 174].

Новый декрет [СУ 1943: 372, №56, ст. 245] установил право НКВД выдачи загранпаспорта, действительного в течение одного года со дня выдачи. При обстоятельствах исключительного времени, кроме визы НКВД, необходима была также виза Особого отдела ВЧК. Правила 1921 г. включали также реквизицию и конфискацию при таможенном контроле ряда предметов (оружия, ценностей, в том числе имеющих художественное и антикварное значение, и т.д.) [СУ 1944: 61-68, №5, ст.37]. В 1921 г. была введена оплата загранпаспортов [СУ 1944: 815, №65, ст. 495]. В этом же году для въезжающих в РСФСР виза полномочного представителя РСФСР объявлялась обязательной для всех лиц: от нее не освобождались лица, прибывавшие законным образом на территорию другой союзной республики.

Ряд последующих декретов окончательно определял положение эмигрантов из России. Конфискации подлежало все движимое имущество граждан, бежавших за пределы РСФСР или скрывавшихся до 1921 г. [СУ 1944: 167, №18, ст.111]. Собственностью РСФСР объявлялось также движимое имущество лиц в местностях РСФСР, освобожденных от неприятельских или контрреволюционных войск и добровольно ушедших с противником. Правда, лица, эвакуированные насильственно или принудительно, имели право возбудить

ходатайство о получении неправомерно конфискованного имущества в случае возвращения [СУ 1944: 194-195, №21, ст.134].

Наконец, в 1921 г. были лишены прав гражданства многочисленные категории лиц, находившиеся за границей: а) лица, пробывшие за границей непрерывно свыше 5 лет и не получившие от советских представительств за границей паспортов; б) лица, выехавшие из России после 7 ноября 1917 г. без разрешения советской власти; в) лица, добровольно служившие в армиях, сражавшихся против советской власти или участвовавшие в какой-либо форме в контрреволюционной деятельности, г) лица, имевшие право оптации российского гражданства и не воспользовавшиеся этим правилом [СУ 1944: 950, №72, ст.578].

Потоки эмигрантов направлялись на юг Европейской России. Крупным промежуточным центром политической эмиграции была Киевская губерния [Ходос 1922: 188]. Эмиграция происходила также через Прибалтику, Финляндию и Дальний Восток. Центры, сформировавшиеся в 1920-е годы в ряде стран Западной Европы, свидетельствуют о том, что эмиграция сумела преодолеть законодательные барьеры, установленные правительством РСФСР.

Резэвакуация беженцев

После октября 1917 г. «беженское дело» в РСФСР было реорганизовано. Оказание помощи нетрудоспособным и больным беженцам было передано Комиссариату социального обеспечения, обеспечение трудоспособных беженцев работой - Комиссариату труда и биржам труда. После подписания Брестского договора был принят декрет о создании Центральной коллегии о пленных и беженцах («Центропленбеж»; 27 апреля 1918г.), преобразованный в Центральное учреждение по эвакуации населения при НКВД (Цетроэвак). За 1918-1922 гг. Центропленбеж издал 426, а Цетроэвак – 474 распоряжений и приказов [Народный Комиссариат... 1922: 58-71]. В ведении Центропленбежа находились пленные (русские подданные в лагерях Германии, Австрии, Болгарии и Турции, и военнопленные-иностранцы на территории советской России); беженцы Первой мировой и Гражданской войн, белогвардейцы, сосредоточенные в концентрационных лагерях, переселенцы из северных голодных губерний в Донскую область, советские служащие, эвакуированные из занятых белогвардейцами районов, и другие группы, а затем так называемые голодбеженцы. Таким образом, объектом забот и опеки Центропленбежа стали «все кочующие элементы населения, оторванные от постоянного места жительства» [М.И. 1919: 23- 24].

В условиях гражданской войны и военных действий на границах РСФСР, разрушенного железнодорожного транспорта, резкого ухудшения экономического положения в стране трудности резэвакуации пленных и беженцев увеличились. В то же время в 1919 г. из РСФСР не был разрешен выезд беженцев-железнодорожников, знания и опыт которых «могли быть использованы белой гвардией», и лиц призывных возрастов. Резэвакуацию беженцев сдерживали возраставшие функции Центропленбежа: задачей огромной важности в 1919 г. была признана его работа по созданию концентрационных лагерей для пленных белой гвардии: «такая задача требовала больших помещений, рассчитанных на крупные массы» [М.И. 1919: 23- 24].

В октябре-ноябре 1919 г. доля прямых контингентов Центропленбежа, т.е. беженцев и военнопленных, составила 35% общего числа перевезенных на железнодорожном транспорте. Между тем «на попечении» Центропленбежа на 01.11.1920 находилось 779258 беженцев Первой мировой войны (без Урала, Западной Сибири и Туркестана). Кроме того, в среднем ежемесячно в Европейскую Россию из Сибири прибывало около 10 тыс. военнопленных [Отчет Центропленбежа... 1920: 18].

В 1917-1919 гг. положение беженцев ухудшилось из-за растущей дороговизны, безработицы, нерегулярной и скудной помощи правительства и общественных организаций, роста стоимости наемного жилья. Подъем беженского движения был приостановлен ввиду катастрофического состояния железнодорожного транспорта [Циркулярные телеграммы... 1918: 4]. В 1918 г. стали поступать жалобы беженских организаций и отдельных беженцев на крайне враждебное отношение местного населения: крестьяне выносили приговоры о выселении беженцев из квартир и «ни за какие деньги не продавали им хлеба, продуктов, в то время как местные органы власти не принимали никаких мер» [О помощи беженцам 1918: 4].

В 1920-1921 гг. местные власти в Курской губернии не только не препятствовали самовольному движению беженцев на родину, но, по заявлениям самих беженцев, принуждали их к выселению. Большим было также давление местных жителей. В Рыльском уезде, например, с ведома местного исполкома беженцев принудительно выселяли из квартир, отказывали в выдаче продовольствия, требовали их выезда, сопровождая все это угрозами и даже побоями. Организованная реэвакуация протекала медленно. Возвращение на родину завершилось в 1922-1923 гг. [Лихарева 1998: 130-131].

Организованный Народным комиссариатом внутренних дел в апреле 1918 г. учет беженцев выявил желание большинства из них вернуться на родину.

В Рязанской губернии общее число беженцев составило 66 173. Из них русских было 54 061 человек, поляков – 9 800, литовцев – 872, латышей – 500, евреев – 840. Все беженцы хотели вернуться на родину. В Нижегородской губернии желающих вернуться было 40 000 или 75% общего числа беженцев [Учет беженцев 1918: 14]. В Уфимской губернии все из 77 000 зарегистрированных беженцев, за редким исключением, также хотели вернуться в места прежнего проживания. Такое желание объяснялось бедственным материальным положением, чуждым бытом и климатом, всеобщей тоской по родине. Среди зарегистрированных беженцев в Уфимской губернии 63 000 человек были русскими, 4 200 – поляками, 4 000 – немецкими колонистами, 300 – латышами, 400 – литовцами, 1 800 – евреями и т.д. Основными районами их выхода были Гродненская, Холмская, Волынская, Минская, Люблинская и другие западные губернии [Беженцы в Уфе 1918: 13].

Деятельность Центроэвака в 1921 г. существенно усложнилась из-за начавшегося голода. Основной поток беженцев направлялся из голодающих губерний Поволжья, где были расселены беженцы из Польши, Литвы и Белоруссии. Желание вернуться на родину из-за голода вылилось в «беженский самотек», превратившийся в подлинное стихийное бедствие, по своим размерам превосходившее все бывшие ранее бедствия при массовых передвижениях [Обзор деятельности... 1922: 45].

«Самотек представляет собой жуткую картину. С разнокалиберными невероятно грязными остатками ликвидированного имущества толпы самотека пешком порядком двигаются к железной дороге, оставляя за собой типичные следы проходящей орды, встречный железнодорожный порожняк переполняется ими сверх всякой нормы... Начинается период голодного ползания к границам благополучных губерний. Ни о каких элементарных требованиях санитарии не может быть и речи» [Обзор деятельности... 1922: 45].

Стремление возвратиться на родину, отмеченное с началом беженства, по объективным причинам растянулось до 1922-1923 гг. Последний этап беженства совпал с образованием самостоятельных государств после распада Российской империи. С этого времени реэвакуация беженцев регулировалась соглашениями РСФСР по беженству с Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей и Финляндией. В данном случае не представляется возможным рассмотреть содержание каждого из таких соглашений, предусматривавших правила реэмиграции определенных групп беженцев.

Приведем понятие «беженец» в русско-эстонском договоре [СУ 1944: №4]. Под беженцами подразумевались, независимо от их происхождения, все лица, оставившие во время мировой войны или русско-эстонской войны угрожаемые или занятые неприятелем места своего постоянного жительства в Эстонии или выселенные оттуда распоряжением военных и гражданских властей. Следовательно, право возвращения в Эстонию имели следующие лица, находившиеся в России: 1) военные и гражданские пленные мировой войны; 2) заложники; 3) члены семейств, главы которых находились на территории и Эстонии; 4) лица эстонского происхождения, участвовавшие в военных действиях против России в армиях Миллера, Деникина, Колчака и Врангеля; 5) собственно беженцы [Права и обязанности иностранцев... 1921: 39].

По данным Центроэвака, общее количество перевезенных беженцев составило приблизительно 3,5 млн. В это число не вошли беженцы, твердо обосновавшиеся на новых местах, перешедшие границу неорганизованно, а также «немалое число погибших». В октябре 1922 г., когда процесс реэвакуации завершился, в РСФСР оставалось 200 тыс. беженцев Польши и не более 20 тыс. беженцев из других стран [Народный Комиссариат... 1922: 71].

Оптация

Одним из последствий распада Российской империи стало появление особой группы мигрантов - «оптантов». В общем виде оптация определяется как выбор государства, предоставляемый населению территории страны, переходящей от одного государства к другому.

Подписанные РСФСР договоры с Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей и Финляндией установили правила оптации, включавшие определенную процедуру оформления соответствующих документов, цель которых состояла в подтверждении своего ходатайства о праве вселения из РСФСР в названные выше страны. В данном случае не представляется возможным рассмотреть различные аспекты данной процедуры. Отметим ее важнейшие черты.

В соответствии с мирным договором с Латвией латвийскими гражданами (латышами) без всякой оптации подданства были признаны: 1) все граждане, независимо от происхождения (в том числе и русские), оказавшиеся в Латвии ко дню ратификации мирного договора; 2) все «беженцы», проживавшие в России. И те, и другие до 1 августа 1914 г. должны были быть приписаны к городским, сельским или сословным обществам на территории, составлявшим Латвийское государство.

Право оптации литовского гражданства распространялось на лиц: 1) которые сами или их родители постоянно проживали в Литве; 2) которые сами или их родители были приписаны к сельским, городским или сословным обществам территории Литовского государства; 3) проживавших в течение последних 10 лет до 1914 г. на территории Литовского государства и имевших там постоянное занятие. Право оптации не распространялось на бывшее военное и гражданское чиновничество, не происходившее из Литвы, и на членов их семейств даже при условии их проживания на территории Литовского государства в течение последних 10 лет до 1914 г. В то же время отмечалось, что при установлении литовского происхождения национальность и вероисповедание не имели никакого значения: важным был сам факт приписки данного лица к обществам или бывшим сословным корпорациям, находившимся на территории Литовского государства.

Правом оптации польского гражданства могли воспользоваться следующие категории лиц: 1) бывшие подданные Российской империи, находившиеся в пределах России или Украины, которые были приписаны или имели право быть приписанными к книгам постоянного народонаселения бывшего Царства Польского, а также те, кто был приписан к одному из городских, сельских или сословных обществ на территории бывшей Российской империи, входящей в состав Польши; 2) граждане, которые смогут доказать, что они являются потомками лиц, принимавших участие в борьбе за независимость Польши в 1830-1865 гг.; 3) граждане, которые смогут доказать, что они являются потомками, не далее третьего поколения, лиц, которые постоянно проживали на территории бывшей Речи Посполитой, при условии, если они своей деятельностью, употреблением польского языка как разговорного и воспитанием своего потомства ясно засвидетельствовали свою приверженность польской нации [Права и обязанности иностранцев... 1921: 2-5].

Избирательность оптации (предоставления гражданства) новыми государствами вступала в противоречие с высокой эмиграционной активностью различных групп населения, намеривавшихся легально покинуть Советскую Россию. Так, по данным Нижегородского административного подотдела губернского отдела Управления НКВД, из списка, насчитывавшего 4 510 человек, было отправлено 1 813, не уехали 749, а остальные 1 948 не были пропущены соответствующими миссиями. Из беженских списков миссии исключились главным образом еврейские семьи и русские, именовавшие себя «православными», что давало повод заключить о влиянии антисемитизма и опасения усиления российского влияния [Нижегородский губернский отдел... 1923: 89].

Эстонская контрольно-оптационная комиссия в Сибири, работавшая с марта 1921 г. по 2 октября 1922 г., получила 9 019 заявлений об оптации. Из них эстонское гражданство было выдано 5 082 заявителям. За неимением достаточных документов в оптации было отказано 1 274 заявителям. Исходя из среднего размера семьи (4 человека), оптировали

эстонское гражданство 15 328 человек или около 14% всей численности населения эстонской национальности, проживавшего в Сибири по переписи населения 1920 г. (31 441 человек) [Деятельность иностранного... 1923: 63]. Помимо приведенных выше данных, свидетельствующих о сложности получения гражданства, сошлемся на отношение официальной власти к этому процессу.

Отношение официальных властей к оптации из РСФСР характеризует следующая цитата: «1920 год отмечает первое движение, происходящее на нашей, тогда еще не совсем устойчивой государственной границе... От финских хладных скал и до пламенной Колхиды потекли по нашему истрепанному, выбившемуся из сил транспорту эшелоны беженцев, оптантов и все те, кому не по вкусу пришлось пролетарская революция, кои не могли разделить с народом, с коим прожили бок о бок всю жизнь, голод и холод.

Охваченные страстным желанием оставить навсегда страну, которая нарушила их покой и тихое благополучие, люди выкапывали пожелтевшие дедовские бумажки, устанавливающие их право на оптацию, т. е. право уехать.

Тихие, спокойные в повседневной жизни люди шли на подлоги, на подкупы, на разные преступления, чтобы раздобыть бумажку, документ, доказывающий право вернуться на новую родину, чуждую, далекую им. Оторвавшись от насиженных мест, разрушая свое хозяйство, жили в едином стремлении – уйти от Рабоче-Крестьянской республики.

Прокатилась беженско-оптационная волна, унося на своих мутно-грязных гребнях сотни тысяч людей трусливых и слабых, очищая молодую Республику от ненужного элемента, не воспринявшего по духу своему наш Красный Октябрь и непригодного для нас в процессе нашей творческой работы» [Асеев 1923: 75-76].

Таким же недоброжелательным было отношение к оптантам, оставшимся в РСФСР с оптационным удостоверением (что было предусмотрено рядом договоров), а затем и к вернувшимся в РСФСР оптантам. Число вернувшихся оптантов и получивших гражданство РСФСР было незначительным: в 1921 г. – 128, в 1922 г. – 935, в январе-феврале 1923 г. – 199. Но такая динамика оценивалась как перелом в оптанско-репатриационном движении. К этому добавлялись группа амнистированных солдат белых армий, кронштадцев и других, получивших возможность вернуться в «простившую их Советскую республику», а также «огромное число слезниц на имя президиума ВЦИКа от представительств РСФСР за рубежом». Политика в отношении возвращения оптантов была определена как нежелательная. В целом отношение к возможной реэмиграции выразилось следующим образом: «И вот тут, когда все настойчивей и настойчивей раздается стук с той стороны дверей, так широко распахнутой для желающих выехать, нужно помнить и знать, что все желающие вернуться не есть раскаивающиеся грешники, что много среди них глухо злобствующих у врат этого, еще в недалеком прошлом ада. А посему бдильному стражу Республики – Госполитуправлению» [Асеев 1923: 76-77].

Депортация

Осенью 1922 г. из Петрограда были высланы из России более 60 мыслителей, политических деятелей, ученых инженеров, писателей, кооператоров. «Первая массовая депортация

деятелей русской культуры, получившая название «философский пароход», положила начало беспощадной борьбы с инакомыслием в Советской России и стала символом русской эмиграции» [Высылка вместо расстрела... 2005: 5].

Предпосылки и организация депортации в настоящее время подробно документированы и описаны. Считается, что план высылки созрел к концу Гражданской войны. В начале 1920 г. был введен негласный надзор за политическими партиями, группами и отдельными лицами, поскольку с началом нэпа расширилась деятельность общественных оппозиционных объединений и издательств. Изгнание на срок или бессрочно было включено в перечень наказаний (ст. 32 УК РСФСР 1922). В законодательстве СССР было предусмотрено изгнание навсегда. «Белогвардейская эмиграция в настоящее время, когда советская власть укрепилась ..., не представляет для нас опасности; вместе с тем, мы проводим в настоящее время политику все большего и большего сокращения случаев применения расстрела. Т.о И.[изгнание] и оказывается той мерой, которая, не будучи связана с физическим уничтожением врага революции, тем не менее избавляет от него СССР...В случае самовольного возвращения...суд применяет к нему иную меру социальной защиты, не ниже, однако, лишения свободы со строгой изоляцией на 5 лет» [А.Э. 1930: 74].

Обострившаяся внутривластная ситуация летом 1922 г. объясняется голодом в ряде районов, усилением антиправительственных выступлений крестьян, массовыми забастовками вузовских профессоров и преподавателей. Нарком Н.А. Семашко подробно информировал Политбюро 21 мая 1922 г. о результатах II Всероссийского съезда врачебных секций и секций врачей «Всемирно-санитарного» относительно «разных» течений в этой среде, которыми успешно пользовались кадеты, меньшевики и социалисты-революционеры. Л.Д. Троцкий высказал официальную точку зрения на высылку: «Те элементы, которые мы высылаем или будем высылать, само по себе политически ничтожны. Но они - потенциальные орудия в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений...все эти непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага. И мы будем вынуждены расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочли сейчас, в спокойный период, выслать их заблаговременно» [Высылка вместо расстрела... 2005].

Высылка инакомыслящих «превратилась в ряд последовательных действий», направленных на изменение социально-политической ситуации». Вслед за учеными была выслана группа студентов. В настоящее время определены масштабы репрессии 1922-1923 г. Первыми за границу выехали по своей воле бывшие руководители Помгола - С.Н. Прокопович и Е.Д. Кускова. Затем в эмиграцию были отправлены группа украинской интеллигенции, а также московская и петроградская группы.

По данным Центрального архива ФСБ, общее число репрессированных в 1922-1923 гг. составило 225 человек. В их числе было 45 врачей, 41 профессор и педагог, 12 инженеров, 16 юристов, 22 писателя, журналиста, литератора, 30 экономистов, агрономов, 34 студента, 9 политических деятелей, 2 религиозных деятеля, 14 человек относятся к другим или тем, о ком отсутствуют точные сведения о профессии. Из 225 репрессированных были высланы за границу 65, отправлены в административную ссылку

49. Для 33 человек высылка была отменена, сведения о 46 отсутствуют. В составе репрессированных было 23 члена партии Конституционная демократия, 26 меньшевиков, 13 социал-революционеров; сведения о 154 отсутствуют. «Самыми представительными» были три возрастные группы: родившиеся в 1861-1870 гг. (22%), 1871-1880 гг. (50%) и 1881-1890 гг. (42%) [Высылка вместо расстрела... 2005: 5-42].

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ

Как видим, важным фактором динамики населения страны в 1914-1922 гг. стала эмиграция. В.Г. Михайловский оценил ее масштабы в размере 2 млн человек. К этой величине он прибавил сотни тысяч человек, бежавших в Грузию, в Армению, в киргизские степи, а также принявших эстонское, латвийское и литовское подданство и затем выселившихся из Советской России на родину. Он упоминает также немалое число русских военнопленных. В итоге предлагается принять число русских за границей равным 3 млн [Михайловский 1921: 4]. Но уже в середине 1920-х годов эмиграция из России как научная проблема замалчивается. Ее масштабы противоречили официальной доктрине, наглядно отрицая декларировавшиеся преимущества нового общественного строя. С этого времени вакуум в изучении этого явления начинают постепенно заполнять публикации, подготовленные за рубежом. В.М. Кабузан оценил общее число эмигрировавших из России в 1918-1924 гг. в размере не менее 5 млн, включая в эту величину 2 млн опантов [Кабузан 1996: 230]. Последствия эмиграции из России после 1917 г. относятся, по терминологии Л.И. Лубны-Герцыка, к разрушающим факторам.

Очевидно, что количественный подход к оценке результатов международной миграции не может не учитывать глубоких разносторонних и долговременных последствий столь катастрофического для страны процесса в 1914-1922 гг. После октября 1917 г. политика государства в отношении международной миграции приобрела ограничительно-запретительный характер, который с небольшим перерывом в 1920-е годы стал определяющим в последующие десятилетия.

В итоге 1914-1922 гг. (первый в ряду демографических кризисов в истории России XX века) отличает значительная продолжительность, охват населения огромной части страны, устойчивое отрицательное влияние различных факторов, последовательно сменявших друг друга и в то же время и тесно связанных между собой, отдельно и в совокупности вызвавших резкий перелом в динамике и характере миграционного движения, возросшая роль миграции, в первую очередь вынужденных и принудительных перемещений.

ЛИТЕРАТУРА

- А.Э. (1930). Изгнание. Энциклопедия государства и права / Под ред. П. Стучка. Т. II. М.: 71-75.
- Алехин М. (1934). Эмиграция белая // БСЭ / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. Т.64. М.: 160-176.

- Асеев М. (1923). К перелому в оптанско-репатриационной волне // *Власть Советов*. 3: 75-76.
- Беженцы в Уфе (1918) // *Вестник Комиссариата внутренних дел*. 11: 13.
- Блюменфельд М.Л. (1917). Санитарное состояние желтых рабочих в России (По официальным материалам) // *Общественный врач*. 4-5: 264-275.
- Брауде Х. (1918). Еврейское население г. Воронежа. Данные переписи 1917 года. М. 29 с.
- Булдаков В.П. (2010). Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е., доп. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский Центр Б.Н. Ельцина». 967 с.
- Виноградов С.А. (1998). Югославские военнопленные австро-венгерской армии в России в 1914-1918 гг. // *Новый часовой*. 6-7: 74-77.
- Водозовов В. (1922). Западная Европа и Америка после войны. Цифры и факты. Пб. 208 с.
- Волков Е.З. (1930). Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. Предисл. С.Г. Струмилина. М.-Л. 271 с.
- Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып.4. (1923). Состав РКП (большевиков) по итогам предварительной разработки. М. 47 с.
- Высылка вместо расстрела (2005). Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ 1921-1923 / Вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Хриτοфорова; коммент. В.Г. Макарова. М.: Русский путь. 544 с.
- Горбунов А.В. (1922). Влияние мировой войны на движение населения Европы // *Русский евгенический журнал*. 1.1: 39-63.
- Горев Б. (1934). Эмиграция политическая // *БСЭ* / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. Т.64. М.: 144-160.
- Дело трудящихся всего мира (1957). Факты, документы, очерки о братской помощи и солидарности трудящихся зарубежных стран с народами Советского Союза. М. 386 с.
- Денисенко М.Б. (1997). Демографический кризис 1914-1922 гг. // *Вестник Московского университета*. Сер. 18. Социология и политология. 2: 78-96.
- Деятельность иностранного отделения [Управления делами Сибревкома] (1923) // *Жизнь Сибири*. 9-10: 62-65.
- Еврейское население России по данным переписи населения 1897 г. и по новейшим источникам (1917). Пг. 76 с.
- Жданов Н.М. (1920). Русские военнопленные в мировой войне 1914-1918 г. Ч. I, II, III. М. 376 с.
- Журнал Особого совещания при Ставке Верховного Главнокомандующего 23 июня 1915 года (1916). О мерах при очищении войсками некоторых местностей Северо- и Юго-Восточного фронтов // *Законы и распоряжения о беженцах (по 1 апреля 1916 г.)*. 2. М. 147 с.
- Законы и распоряжения о беженцах (по 1 апреля 1916 г.) (1916). Вып.2. М. 147 с.
- Зеленин В.В. (1977). Под красным знаменем Октября: югославские интернационалисты в Советской России 1917-1921 гг. М. 253 с.
- Исупов В.А. (2000). Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф. 244 с.

- Кабузан В.М. (1996). Русские в мире: динамика численности и расселения (1719-1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: Рус.- Балт. – Информ. – Центр «Блиц. 347 с.
- Курцев А.Н. (1999). Беженцы Первой мировой войны России (1914-1917) // Вопросы истории. 8: 98-113.
- Ленцен И. (1998). Использование труда русских военнопленных в Германии (1914-1918 гг.) // Вопросы истории. 4: 135-136.
- Лихарева Л.Н. (1998). Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России в 1920-1921 гг. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Материалы VI научной конференции. Липецк, 21-22 апреля 1998 г. Липецк: 129-132.
- Лубны-Герцык Л.И. (1926). Движение населения на территории СССР во время мировой войны и революции. М. 124 с.
- Михайловский В. (1921). Введение // Труды Центрального Статистического управления. Т.1. Вып.3. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 года. Население 58 губерний Европейской и Азиатской части России. М.: 3-5.
- Мышь М.И. (1915). К вопросу о расширении черты еврейской оседлости // Вестник гражданского права. 16: 137-149.
- Народный Комиссариат... (1922). Народный Комиссариат Внутренних Дел. 1917-1922 // Власть Советов. 10: 71.
- Нижегородский губернский отдел... (1923). Нижегородский губернский отдел Управления [НКВД] // Власть Советов. 1-2: 89-90.
- О помощи беженцам (1918) // Вестник Комиссариата внутренних дел. 14. 4 с.
- Обзор деятельности Центроэвака за второе полугодие 1921 года (1922) // Власть Советов. 1-2: 45-48.
- Однодневная перепись беженцев из Турции, Персии и из мест, пограничных с Турцией (армян, айсоров, греков и пр.). 1914-1915. Перепись произведена 30 января 1915 г. (1915). Эривань. 83 с.
- От редакции (1922) // Экономист. Вестник XI Отдела Русского технического общества. 1: 3-4.
- Отчет Центропленбежа за октябрь – ноябрь 1919 г. (1920) // Власть Советов. 1: 18-20.
- Паперный Л.Л. (1926). Проблемы народонаселения с точки зрения марксистской социологии. М.-Л. 182 с.
- Положение об обеспечении нужд беженцев (1916) // Законы и распоряжения о беженцах. 1. М.: 3-7.
- Права и обязанности иностранцев, оптантов и беженцев по международным договорам и соглашениям и по постановлениям Советской власти. С октября 1917 г. по октябрь 1921 г. (1921). Пг. 80 с.
- Россия в мировой войне 1914 -1918 года (в цифрах) (1925). М. 108 с.
- Руководящие положения по устройству беженцев. Утверждено 2 марта 1916 г. (1916). Пг. 16 с.
- С.Р. (1922). Административно-организационная работа НКВД // Власть советов. 11-12: 55-56.

- Сборник указов и постановлений Временного правительства (1917). Вып. 1. 27 февраля-5 мая 1917 г. Пг. 557 с.
- Сорокин П. (1992). Современное состояние России / Подготовка текста и примечания В.В. Сапова // Новый мир. 4: 181-203.
- СУ (1916). Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемые при правительствующем сенате. Отдел первый. Петроград.
- СУ (1917). Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемые при правительствующем сенате. (1917). Петроград.
- СУ (1942). Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1928 год. Москва.
- СУ (1943). Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1928 год. Москва.
- СУ (1944). Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1928 год. Москва. 1197 с.
- Труды внеочередного Пироговского съезда по врачебно- санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени (1917). Секция II. Борьба с инфекционными заболеваниями. Беженство и его роль в распространении заразных болезней (Петроград, 14-18 апреля 1916 г.). Приложение // Общественный врач. 6-7-8: 64-85.
- Турубинер А.М. (1923). Государственный строй РСФСР. Конспект лекций. М. 88 с.
- Турубинер А. (1929). Гражданство // Энциклопедия государства и права. Т.1 / Под ред. П. Стучки. М.: 526-534.
- Учет беженцев (1918) // Вестник Комиссариата внутренних дел. 10: 14.
- Фельштинский Ю.Г. (1990). К истории нашей закрытости: Основы эмиграционной и иммиграционной политики. М.: Terra-Terra. 184 с.
- Ходос М.Р. (1922). Предварительные данные о естественном движении населения Киевской губернии за время 1915-1920 гг. // Статистический бюллетень. 4-5: 179-185.
- Хроника (1917) // Известия Всероссийского комитета для оказания помощи пострадавшим от войны. 25: 11-13.
- Хрящева А. (1921). Крестьянство в войне и революции. Статистико-экономические очерки. М. 45 с.
- М.И. (1919). Центральная коллегия о пленных и беженцах, ее текущая деятельность и будущие задачи // Власть советов. 10: 23- 25.
- Циркулярные телеграммы Комиссариата внутренних дел (1918). О выдаче казенного пайка беженцам // Вестник Комиссариата внутренних дел. 9:4.
- Щербаков Ю.Н. (1928). Искры великого Октября: вклад интернационалистов в революционное рабочее движение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1917-1921 гг.). М. 288 с.
- Gantrel P. (2001). Refugees in the Russian Empire. 1914-1917. Population Displacement and Social Identity. Critical companion on the Russian revolution 1914-1921 / E. Acton, V.J. Cherniaev, W.A.G. Rosenberg, eds. London: 554-564.

INTERNATIONAL MIGRATION IN RUSSIA (THE USSR) DURING THE END OF THE 19th – THE FIRST THIRD OF THE 20th CENTURY

Part 2. International migration in Russia in the era of the "Great Crisis" (1914-1922)

VALENTINA MOISEENKO

The second part of our paper includes analysis of international migration in Russia during 1914-1922. This period is famous in literature as demographic crisis, perturbation of population. One of the most important particularities of this period is abruptly increasing role of forced migration (eviction, refugees, prisoners of war) and its transformation from internal to external movement. After October 1917 strained interest to international migration connected with disintegration of Russian Empire and movement of population to new Baltic countries, Poland and Finland, but also rigid, successive and tough emigration policy («white» emigration). That is why we pay attention to the legislation of «white» emigration and also deportation from RSFSR as completion such policy.

Keywords: demographic crisis, perturbation of population, forced migration, refugees, prisoners of war, eviction, political emigration, «white» emigration, deportation.

VALENTINA M. MOISEENKO (mvm.msu@gmail.com), LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY, RUSSIA.

DATE RECEIVED : DECEMBER 2016.

REFERENCES

- A.E. (1930). Izgnanie. Entsiklopediya gosudarstva i prava [The exile. Encyclopedia of state and law] / P. Stuchka, ed. Moscow: 71-75.
- According to official materials) // Obshchestvennyy vrach [Public doctor]. 4-5: 264-275.
- Alehin M. (1934). Emigratsiya belaya [Emigration white] // Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [The Great soviet encyclopedia]. V.64 / O.U. Shmidt, ed. Moscow: 160-176.
- Aseev M. (1923). K perelomu v optansko-repatriatsionnoy volne [Turning point in repatriational wave] // Vlast' Sovetov [The power of the Soviets]. 3: 75-76.
- Bezhtentsy v Ufe [Refugees in Ufa] (1918) // Vestnik Komissariata vnutrennikh del [Bulletin of the Commissariat of internal affairs]. 11: 13.
- Blumenfeld M.L. (1917). Sanitarnoe sostoyanie zheltykh rabochikh v Rossii (Po ofitsial'nym materialam) [Sanitary conditions of the «yellow worker» in Russia (according to official materials)] // Obshchestvennyy vrach [Public doctor]. 4-5: 264-275.
- Braude X. (1918). Evreyskoe naselenie g. Voronezha. Dannye perepisi 1917 goda [Jewish population in Voroneg city. Materials of the 1917 Census]. Moscow. 29 p.
- Buldakov V.P. (2010). Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya [Red disturbance: the nature and consequences of revolutionary violence]. Izd. 2-e., dop. [The 2nd ed., suppl.] Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond «Prezidentskiy Tsentr B.N. El'tsina». 967 p.

- Delo trudyashchikhsya vsegomira [Common affairs of working masses of the whole world] (1957). Fakty, dokumenty, ocherki o bratskoy pomoshchi i solidarnosti trudyashchikhsya zarubezhnykh stran s narodami Sovetskogo Soyuzha [Facts, documents, essays about brotherly assistance to the people of the USSR]. Moscow. 386 p.
- Denisenko M.B. (1997). Demograficheskiy krizis 1914-1922 gg. [Demographic crisis 1914-1922] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya [Bulletin of Moscow state university. Series 18. Sociology and political science]. 2: 78-96.
- Deyatel'nost' inostrannogo otdeleniya (Upravleniya delami Sibrevkoma) (1923). [Activity of the foreign department (administration of Sibrevcom)] (1923) // Zhizn' Sibiri [Life of Siberia]. 9-10: 62-65.
- Evreyskoe naselenie Rossii po dannym perepisi naseleniya 1897 g. i po noveyshim istochnikam [Jewish population of Russia according materials the 1917 Census and new data] (1917). Petrograd. 76 p.
- Felshinskii U.G. (1990). K istorii nashey zakrytosti: Osnovy emigratsionnoy i immigratsionnoy politiki [To the history of our closure: foundations of emigration and immigration policy]. Moscow: Terra-Terra. 184 p.
- Gantrel P. (2001). Refugees in the Russian Empire. 1914-1917. Population Displacement and Social Identity. Critical companion on the Russian revolution 1914-1921 / E. Acton, V.J. Cherniaev, W.A.G. Rosenberg, eds. London: 554-564.
- Gorbunov A.V. (1922). Vliyanie mirovoy voyny na dvizhenie naseleniya Evropy [Influence of world war on the movement of population in Europe] // Russkiy evgenicheskiy zhurnal [Russian eugenic magazine]. 1.1: 39-63.
- Gorev B. (1934). Emigratsiya politicheskaya [Political emigration] // Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [The Great soviet encyclopedia]. V.64 / O.U. Shmidt, ed. Moscow: 144-160.
- Isupov V.A. (2000). Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka. Istoriko-demograficheskie ocherki [Demographic catastrophes and crises in Russia during the first part of XX century. Historical - demographic sketches]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. 244 p.
- Kabuzan V.M. (1996). Russkie v mire: dinamika chislennosti i rasseleniya (1719-1989). Formirovanie etnicheskikh i politicheskikh granits russkogo naroda [Russian in the world: dynamics number and settlement (1719-1989). Formation of ethnical and political boundaries of Russian]. Saint-Petersburg: Rus.-Balt.-Inform.-Sentr. «Blic». 347 p.
- Khodos M.R. (1922). Predvaritel'nye dannye o estestvennom dvizhenii naseleniya Kievskoy gubernii za vremya 1915-1920 gg. [Preliminary data about natural reproduction of population in Kievskoi province during 1915-1920] // Statisticheskiy byulleten' [Statistical bulletin]. 4-5: 179-185.
- Khronika [Chronicle] (1917) // Izvestiya Vserossiyskogo komiteta dlya okazaniya pomoshchi postradavshim ot voyny [Bulletin of All-Russian Committee for assistance for victims of war]. 25: 11-13.
- Khryasheva A. (1921). Krest'yanstvo v voyne i revolyutsii [Peasantry during the war and revolution]. Statistiko-ekonomicheskie ocherki [Statistical-economic sketches]. Moscow. 45 p.
- Kurcev A.N. (1999). Bezhtensy Pervoy mirovoy voyny Rossii (1914-1917) [Refugees of the first world war in Russia (1914-1917)] // Voprosy istorii [Questions of history]. 8: 98-113.

- Lencen I. (1998). Ispol'zovanie truda russkikh voennoplennykh v Germanii (1914-1918 gg.) [Utilization labour of Russian prisoners of war in Germany (1914-1918)] // Voprosy istorii [Questions of history]. 4: 129-137.
- Lichareva L.N. (1998). Sud'ba bezhentsev Pervoy mirovoy voyny v Sovetskoy Rossii v 1920-1921 gg. [Destiny of refugees of the first world war in the Soviet Russia in 1920-1921] // Problemy istoricheskoy demografii i istoricheskoy geografii Tsentral'nogo Chernozem'ya i Zapada Rossii [Problems of historical demography and historical geography of Central Chernozemia and West Russia]. Materialy VI nauchnoy konferentsii. Lipetsk, 21-22 aprelya 1998 g. [Materials of VI scientific conference. Lipeck. 21-21 of april 1998]. Lipeck: 129-132.
- Lubny-Gercek L.I. (1926). Dvizhenie naseleniya na territorii SSSR vo vremya mirovoy voyny i revolyutsii [Movement of population on the territory of the USSR during world war and revolution]. Moscow. 126 p.
- M.I. (1919). Tsentral'naya kollegiya o plennykh i bezhentsakh, ee tekushchaya deyatel'nost' i budushchie zadachi [Central board about prisoners of war and refugees, its current activity and future problems] // Vlast' Sovetov [Power of Soviets]. 10: 23-25.
- Michailovskii V. (1921). Vvedenie [Preface] // Trudy Tsentral'nogo Statisticheskogo upravleniya [Works of Central Statistical Office]. T.I. Vyp.3 [Vol.1. Is.3.]. Predvaritel'nye itogi perepisi naseleniya 28 avgusta 1920 goda. Naselenie 58 guberniy Evropeyskoy i Aziatskoy chasti Rossii [Preliminary results of the Census 28 August 1920. Population of 58 provinces European and Asian parts of Russia]. Moscow: 3-5.
- Mysh M.I. (1915). K voprosu o rasshirenii cherty evreyskoy osedlosti [For the question about extending of the line of Jewish settlement] // Vestnik grazhdanskogo prava [Bulletin of civil law]. 16: 137-149.
- Narodnyy Komissariat vnutrennikh del. 1917-1922 [People Commissariat of internal affair. 1917-1922] (1922) // Vlast' Sovetov [Power of Soviets]. 10: 58-71.
- Nizhegorodskiy gubernskiy otdel Upravleniya (NKVD) [Nizhegorodskii province department of board (NKVD)] (1923) // Vlast' Sovetov [Power of Soviets]. 1-2: 89-90.
- O pomoshchi bezhentsam [About assistance for refugees] (1918) // Vestnik Komissariata vnutrennikh del [Bulletin of the Commissariat of internal affairs]. 14. 4 p.
- Obzor deyatel'nosti Tsentroevaka za vtoroe polugodie 1921 goda [Survey of activities of Centroevek for the second half of 1921] (1922) // Vlast' Sovetov [Power of Soviets]. 1-2: 45-48.
- Odnodnevnyaya perepis' bezhentsev iz Turtsii, Persii i iz mest, pogranichnykh s Turtsiei (armyan, aysorov, grekov i pr.). 1914-1915 [The one-day Census of refugees from Turkey, Percey and the places frontier with Turkey (Armenians, Aisorovs, Greeks and others)] (1915). Perepis' proizvedena 30 yanvarya 1915 g. [The 30 January 1915 Census]. Erevan. 83 p.
- Ot redaktsii [From editorial staff] (1922) // Ekonomist. Vestnik XI Otdela Russkogo tekhnicheskogo obshchestva [Economist. Bulletin of the department of Russian technical society]. 1: 3-4.
- Otchet Tsentropenbezha za oktyabr' – noyabr' 1919 g. [Report of Centropenbezha for period october-november 1919] (1920) // Vlast' Sovetov [Power of Soviets]. 1: 18-20.
- Paperny L.L. (1926). Problemy narodonaseleniya s tochki zreniya marksistskoy sotsiologii [Population problems from the point of Marxist sociology]. Moscow-Leningrad. 182 p.

- Polozhenie ob obespechenii nuzhd bezhentsev [Regulations on security of refugees needs] (1916) // Zakony i rasporyazheniya o bezhentsakh [Laws and decrees about refugees]. 1. Moscow: 3-7.
- Prava i obyazannosti inostrantsev, optantov i bezhentsev po mezhdunarodnym dogovoram i soglasheniyam i po postanovleniyam Sovetskoy vlasti. S oktyabrya 1917 g. po oktyabr' 1921 g. [Rights and duties of foreigners, optantiers and refugees according international agreements and decrees of Soviet State. For period october 1917-october 1921] (1921). Petrograd. 80 p.
- Rossiya v mirovoy voyne 1914 - 1918 goda (v tsifrakh) [Russia in the world war 1914-1918 (in figures)] (1925). Moscow. 108 p.
- Rukovodyashchie polozheniya po ustroystvu bezhentsev [Leading regulations about refugees arrangement] (1925). Utverzhdeno 2 marta 1916 g. [Asserted in March 2 1916]. Petrograd. 16 p.
- S.R. (1922). Administrativno-organizatsionnaya rabota NKVD [Administrative-organizational work of NKVD] // Vlast' sovetov [Power of Soviets]. 11-12: 55-56.
- Sbornik ukazov i postanovleniy Vremennogo pravitel'stva [Collection of decrees and decisions of the Provisional Government] (1917). Is.1. 27 fevralya-5 maya 1917 g. [February 27-may 5 1917]. Petrograd. 557 p.
- Scherbakov U.N. (1982). Iskry velikogo Oktyabrya: vklad internatsionalistov v revolyutsionnoe rabochee dvizhenie v stranakh Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy (1917-1921 gg.) [Sparks of Great October: contribution of internationalists in the revolutionary labour movement in the countries of Central and South-Eastern Europe (1917-1922)]. Moscow. 288 p.
- Sorokin P. (1992). Sovremennoe sostoyanie Rossii [Modern condition of Russia] / Podgotovka teksta i primechaniya V.V. Sapova [Preparation of the text and notes by V.V. Sapov] // Novyy mir [New world]. 4: 181-203.
- SU (1916). Sobranie uzakoneniya i rasporyazheniya pravitel'stva, izdavaemye pri pravitel'stvuyushchem senate. Otdel pervyy [The meeting of legalizations and orders of the government published at the governing Senate. The division first]. Petrograd.
- SU (1917). Sobranie uzakoneniya i rasporyazheniya pravitel'stva, izdavaemye pri pravitel'stvuyushchem senate [The meeting of legalizations and orders of the government published at the governing Senate]. Petrograd.
- SU (1942). Sobranie uzakoneniya i rasporyazheniya pravitel'stva za 1917-1928 god [The collection of legalizations and orders of the government for 1917-1928 year]. Moscow.
- SU (1942). Sobranie uzakoneniya i rasporyazheniya pravitel'stva za 1917-1928 god [The collection of legalizations and orders of the government for 1917-1928 year]. Moscow. 1197 p.
- SU (1943). Sobranie uzakoneniya i rasporyazheniya pravitel'stva za 1917-1928 god [The collection of legalizations and orders of the government for 1917-1928 year]. Moscow.
- Trudy vneocherednogo Pirogovskogo s"ezda po vrachebno-sanitarnym voprosam v svyazi s usloviyami nastoyashchego vremeni [Works of the extraordinary Pirogov congress about medical- sanitary questions at present time] (1917). Sektsiya II. Bor'ba s infektsionnymi zabolevaniyami. Bezhenstvo i ego rol' v rasprostraneniye zaraznykh bolezney (Petrograd, 14-18 aprelya 1916 g.). Prilozhenie [Section 2. Struggle with infectious diseases. Refugees and their role in diffusion of infectious diseases (Petrograd. April 14-18 1916). Supplement] // Obshchestvennyy vrach [Public doctor]. 6-7-8: 64-85.

- Tsirkulyarnye telegrammy Komissariata vnutrennikh del [Circular telegrams of the Commissariat of Internal Affairs] (1917). O vydache kazennogo payka bezhentsam [About distribution of government ration for refugees] // Vestnik Komissariata vnutrennikh del [Bulletin of the Commissariat of internal affairs]. 9: 4.
- Turubiner A.M. (1923). Gosudarstvennyy stroy RSFSR. Konspekt lektsiy [Social system of RSFSR. Summary of lectures]. Moscow. 88 p.
- Turubiner A.M. (1929). Grazhdanstvo [Citizenship] // Entsiklopediya gosudarstva i prava [Encyclopedia of state and law]. Vol.1 / P. Stuchka, ed. Moscow: 526-534.
- Uchet bezhentsev [Calculation of refugees] (1918) // Vestnik Komissariata vnutrennikh del [Bulletin of the Commissariat of internal affairs]. 10: 14.
- Vinogradov S.A. (1998). Yugoslavskie voennoplennyye avstro-vengerskoy armii v Rossii v 1914-1918 gg. [Ugoslavian prisoners of war of Austria-Hungary army in Russia in 1914-1918] // Novyy chasovoy [New sentry]. 6-7: 74-77.
- Vodovozov V. (1922). Zapadnaya Evropa i Amerika posle voyny. Tsifry i fakty [Western Europe and America after the war. Facts and figures]. Peterburg. 208 p.
- Volkov E.Z. (1930). Dinamika narodonaseleniya SSSR za vosem'desyat let [Dynamics of the USSR population during eighty years]. Predisl. S.G. Strumilina [Preface by S. G. Strumilin]. Moscow-Leningrad. 271 p.
- Vserossiyskaya perepis' chlenov RKP 1922 goda [All-Russian census of the members of RKP in 1922] (1923). Vyp.4 [Is.4]. Sostav RKP (bol'shevikov) po itogam predvaritel'noy razrabotki [Structure of RKP (bolshevik) according results of preliminary elaboration]. Moscow. 47 p.
- Vysylka vmesto rasstrela. Deportatsiya intelligentsii v dokumentakh VChK-GPU 1921-1923 [Exile instead of shooting. Deportation of intelligentsia according the documents of VCHK-GPU 1921-1923] (2005) / Vstup. st., sost. V.G. Makarova, V.S. Khritoforova; komment. V.G. Makarova [Introductory part and compil. by V.G.Makarova and V.S. Hristoforova; comments by V.G. Makarova]. Moscow: Russkiy put'. 544 p.
- Zakony i rasporyazheniya o bezhentsakh (po 1 aprelya 1916 g.) [Laws and orders about refugees (till the april 1916)] (1916). Is.II. Moscow. 147 p.
- Zdanov N.M. (1920). Russkie voennoplennyye v mirovoy voyne 1914-1918 g. [Russian prisoners in war during the world war 1914-1918]. Ch. I, II, III [Parts I, II, III]. Moscow. 376 p.
- Zelenin V.V. (1977). Pod krasnym znamenem Oktyabrya: yugoslavskie internatsionalisty v Sovetskoy Rossii 1917-1921 gg. [Under the red banner of the October: Yugoslavian internationalists in the Soviet Russia during 1917-1921]. Moscow. 253 p.
- Zhurnal Osobogo soveshchaniya pri Stavke Verkhovnogo Glavnokomanduyushchego 23 iyunya 1915 goda [Journal of special conference of General Headquarters 23 June 1915] (1916). O merakh pri ochishchenii voyskami nekotorykh mestnostey Severo- i Yugo-Vostochnogo frontov [About clearing operation by armies of some places North- and South-Western fronts] // Zakony i rasporyazheniya o bezhentsakh (po 1 aprelya 1916 g.) [Laws and instructions about refugees (till the april 1916)]. 2. Moscow. 147 p.